

—

Юй Линсяо видел, как Хо Шу вошел в дом вместе с Цзи Янцзуном, и хотел было последовать за ними, но немного испугался холодного лица Хо Шу.

Он повернулся и хотел пойти просить заступничества у Хуан Маньцзин, которая собирала чашки на другой стороне, но его схватил глава старшей ветви семьи Юй, пришедший похвастаться на собрание.

«Линсяо!»

Глава старшей ветви Юй, удерживая человека, понизил голос и сказал: «Староста уже объявил, что впредь каждый женится и выходит замуж по-своему. Зачем ты еще цепляешься? Не заставляй людей смеяться».

«Возвращайся. Ты уже цзюйжэнь, при таких налогах, кого захочешь, того и найдешь».

Сунь Юаньнян тоже поспешно подошла. Оба уговаривали и говорили, оттащив Юй Линсяо прочь.

Юй Линсяо молча пошел с ними к воротам большого двора, внезапно высвободился и бросился обратно в дом: «Дядюшка Цзи!»

Цзи Янцзун, услышав крик входящего, крепко нахмурился и выругался: «Проклятье».

Он быстрым шагом перехватил Юй Линсяо, который забежал во внутренний двор: «Что ты делаешь? Что ты еще хочешь?»

Юй Линсяо, задыхаясь, сказал: «Дядюшка Цзи, может быть, по поводу брака произошло какое-то недопонимание? Почему вы действительно объявили о нем? Я хочу увидеть Таюя и все ему объяснить».

«Недопонимание?»

Цзи Янцзун холодно усмехнулся: «Не твоя ли это матушка просила объявить? Теперь все так, как вы хотели, зачем притворяться? Юй Линсяо, не думай, что если ты теперь цзюйжэнь, то это что-то значит. Раньше я тебе оказывал уважение, но ты не хочешь расстаться полюбовно, а гонишься сюда, чтобы тебя хорошенько отругали, и тогда тебе полегчает, да?»

«Ты еще надеешься увидеть Сяо Таоцзы? Он тебе не родной и не близкий, зачем тебе его видеть?»

Юй Линсяо впервые был так резко отчитан Цзи Янцзуном. На мгновение его щеки покраснели: «Дядюшка, я искренне хочу жениться на Таоюе. Возможно, в последнее время семья была слишком занята, и вы неправильно поняли наши намерения».

«Достаточно! Мне прекрасно известны ваши замыслы, не нужно здесь притворяться и много говорить».

Цзи Янцзун крикнул: «Вместо того чтобы здесь клясться, лучше бы пошел и прочитал еще две книги, чтобы карабкаться по своей высокой ветви. Поскольку ты уже нашел более высокую ветвь, моя семья Цзи сделала все возможное, чтобы не докучать твоей семье Юй. А ты все еще не успокаиваешься и хочешь докучать Сяо Таоцзы, Юй Линсяо, не думай, что над семьей Цзи легко издеваться!»

Сунь Юаньнян, догнавшая их, услышала эту тираду, и ее лицо побледнело.

«Староста, это вы расторгли брак, а теперь обвиняете нашу семью. Во всем нужны доказательства. Вы говорите, что мы карабкаемся по высокой ветви, так предъявите доказательства! На пустом месте обвиняете нашу семью, порочите репутацию Линсяо. Разве вы, будучи старостой, можете так издеваться над цзюйжэнем?»

Сунь Юаньнян, увидев, что сына ругают, не удержалась и ответила.

«Разве вы сами не знаете прекрасно, было это или нет!» Цзи Янцзун тоже разозлился: «Расторгнув брак, еще прибегать сюда и притворяться, что произошло недопонимание? Что вы пытаетесь сделать, цепляясь за нас?»

«Кому нужна ваша семья Цзи? Если бы не собрание, я бы и не пришла! Неужели вы думаете, что ваш болезненный сын – небесный бессмертный?»

Эти слова окончательно вывели Цзи Янцзуна из себя, однако, не успел он открыть рта, как Хо Шу, стоявший рядом, внезапно выступил вперед и холодно сказал: «Убирайтесь».

Сунь Юаньнян подняла голову, взглянула на Хо Шу и увидела его суровое лицо, которое, казалось, могло раздавить человека. У нее похолодело в спине, но она все равно упрямо возразила: «Это дело между нашими семьями, какое дело до этого вам, чужаку?»

Как только она закончила говорить, Сунь Юаньнян вскрикнула.

Хо Шу схватил ее за одежду и поднял в воздух.

«Мама!»

Юй Линсяо, увидев, что его мать, как домашнюю птицу, поднимают и несут широкими шагами наружу, испугался и поспешно погнался за ними.

Хо Шу подошел к воротам и бросил ее наружу.

Сунь Юаньнян плюхнулась на землю, ее охватило оцепенение.

Юй Линсяо присел, чтобы помочь Сунь Юаньнян подняться: «Мама, ты в порядке?»

Братья из первой и второй ветвей семьи Цзи подоспели следом и, увидев действия Хо Шу, затаили дыхание. Они и думать не смели подойти и спорить.

«Линсяо, уходим!»

Юй Линсяо, увидев состояние матери, не хотел уходить, но пришлось увести ее.

«Тьфу!»

Глядя, как уходит семья Юй, Цзи Янцзун радовался тому, что Хо Шу помог ему выпустить пар, и яростно сплюнул у ворот. Никогда семья Юй не вызывала у него такого отвращения, как сейчас.

В свое время у Сунь Юаньнян была такая репутация в деревне, кто только ее не презирал. Он не презирал ее, наоборот, даже помолвил их детей. Только сегодня он понял, какого порядочного ребенка может воспитать такой человек.

Все они ради выгоды забыли о справедливости, цепляясь за высокие ветви.

Цзи Янцзун успокоился у ворот, а затем снова с улыбкой провел Хо Шу через внутренний двор в центральный зал.

«Ты застал сцену, прости. В деревне люди много болтают, не принимайте это близко к сердцу».

Цзи Янцзун сказал Хо Шу: «В деревне тебе привычно?»

Хо Шу ответил утвердительно, повернулся и увидел, как из окна одной из комнат слева поднимается белый дым, сопровождаемый сильным запахом трав.

Цзи Янцзун, заметив его взгляд в ту сторону, махнул рукой и сказал: «Это Таоюй варит лекарство в комнате, целый день дымит».

«Он болен?»

«Нет, просто он всегда любил этим заниматься, научился у своего дедушки. Целыми днями сидит в комнате и экспериментирует, даже из дома не выходит».

Хо Шу, услышав, что он не болен, отвел взгляд.

Цзи Янцзун пригласил Хо Шу сесть, сам достал хороший чай и, заваривая его, спросил: «Снаружи шумно, много односельчан, не обессудь. У тебя какое-то дело, Хо Лан*?»

[*] làng — мужчина, молодой человек (также в обращении)]

Хо Шу сел и собирался начать говорить, но тут вошел главный работник семьи Цзи и прервал разговор: «Староста, вас ищут односельчане».

Цзи Янцзун подумал, что это снова семья Юй, и раздраженно сказал: «Какие односельчане? Скажи им убираться. Если не уберутся, не вини меня, что я возьму метлу и выгоню их. Не стоит слишком наглеть!»

Работник сказал: «Это не из семьи Юй, это другие односельчане».

«Что еще за дела?! Я же сказал тебе повесить объявление о налогах, выданное управой, на стену у ворот двора, там все четко написано. Только что говорили, не поняли, а разойдясь, снова приходят спрашивать».

Цзи Янцзун, ругаясь, сказал: «Пусть сами идут и смотрят объявление».

«Повесил. Это пришли быстроногие односельчане, принесли зерно, говорят, хотят оплатить налог».

Услышав это, Цзи Янцзун тут же замолчал и с недоверием сказал: «Так быстро?»

Он тут же встал со стула:

«Обычно, как смерть, за ними приходится гоняться, чтобы собрать налоги, да еще ходить по каждому дому. Редко такая активность. Нет, я должен поскорее записать, пораньше закончить с этим делом, иначе на собрании в управе меня снова будут ругать».

Он повернулся к Хо Шу и сказал: «Хо Лан, ты пока посиди в комнате, попей чай. Я схожу, соберу налог на зерно и сразу приду».

Хо Шу ничего не сказал, кивнул в ответ.

Цзи Янцзун отошел на несколько шагов к выходу, а затем, подумав, что оставит Хо Шу здесь одного без должного внимания, крикнул в комнату: «Сяо Таоцзы, принеси фруктов для Хо Лана».

Из комнаты послышался ответ, Цзи Янцзун улыбнулся Хо Шу и поспешно вышел.

В комнате Цзи Таоюй согнулся над маленькой печкой, аккуратно регулируя огонь бамбуковым веером. Он варил мазь от обморожений.

После поздней осени скоро должна была наступить зима.

Сделать заранее мазь от обморожений и продать ее в лечебнице дедушки или сразу оптом торговцам было бы выгодно, можно было бы скопить немного денег.

После начала зимы до Нового года оставалось недолго. В праздничные дни было много расходов, не говоря уже о покупке ткани и пошиве одежды. В городе также проводятся фестивали фонарей, и если пойти посмотреть, наверняка встретится что-то красивое и интересное, на что всегда приходится тратить деньги.

После расторжения помолвки он несколько дней пролежал дома вялый, ничего не делая, из-за чего даже появился кашель, и он чувствовал себя разбитым.

Сегодня он поднялся и немного подвигался, и ему стало немного лучше.

Теперь его свадьба была отменена, надежда на освобождение от налогов исчезла, а налоги росли год от года.

Хотя в семье не было недостатка в еде и одежде, они не были очень богатыми. В такое время все равно приходилось затягивать пояса, и сколько бы денег ни удалось накопить, это было хорошо.

Ему уже больше шестнадцати, и с этого года он должен будет платить налог за поздний брак, сто вэней в год. Это не так много, но он хотел заплатить эту сумму сам.

Услышав голос Цзи Янцзуна, в клубах дыма Таоюй потушил печь, как раз ожидая, пока мазь остынет, чтобы разлить ее по флаконам.

Он отряхнулся, поправил одежду и отправился на кухню, чтобы принести хризантемовые пирожные, которые были приготовлены в полдень.

В последнее время его мать, видя, что он не в духе, часто готовила выпечку и сладости, чтобы поднять ему настроение. В это время года хризантемы красиво цвели, поэтому она приготовила сезонное пирожное.

К сожалению, сегодня его отец поехал в город. На собрании говорили о налогах, и он был обеспокоен. Приготовленные пирожные никто из семьи почти не ел.

Таоюй вышел с блюдом, и только во внутреннем дворе понял, что пришел Хо Шу.

Раньше он не расслышал, кто пришел, только слышал, как отец сказал принести фруктов, а оказалось, что это для него.

Хо Шу посмотрел на пирожное, поставленное на стол, и поднял глаза на маленького гера.

За несколько дней, что они не виделись, мягкое лицо Таоюя похудело, подбородок заострился, а под глазами виднелись синяки, которые не могла скрыть бледная кожа.

Хо Шу ожидал, что он будет выглядеть плохо, но не ожидал, что все будет лучше, чем он себе представлял. Он думал, что гер пролежит в постели и будет плакать несколько дней, а его глаза распухнут, как грецкие орехи.

Неудивительно, что он так подумал, учитывая, насколько сильно он горевал в тканевой лавке «Десять Ли».

«Почему здесь брат Хо?»

Хо Шу, слушая мягкий голос, отвел взгляд.

«Мои вещи ты мне не вернул».

«Эм?»

Таоюй недоуменно нахмурился.

«Накидка».

«Ох».

Таоюй вдруг вспомнил: «Я сейчас принесу».

Хо Шу видел, как человек поспешно вернулся в комнату, и вскоре вернулся с накидкой в руках.

Он взял накидку. Возможно, она долго лежала в комнате, и при приближении чувствовался легкий запах трав.

«В эти два дня я чувствовал себя неважно и не выходил из дома, поэтому не успел вернуть вещи. Брат Хо, не сердись».

Таоюй видел, что его отец еще и весенний чай заварил для Хо Шу. Он почти ничего не ел в обед, поэтому был немного голоден. Он просто сел рядом, взял кусочек пирожного, чтобы перекусить, и мог запить его весенним чаем.

Он знал, что сегодня в деревне собрание, и придут люди из каждого дома, но, по характеру Хо Шу, он не должен был заниматься такими делами.

Значит, он пришел сюда только ради того, чтобы забрать свою накидку?

Таоюй, жуя пирожное, посмотрел на Хо Шу: «Брат Хо, ты такой сентиментальный человек, так ценишь эту накидку».

Хо Шу взглянул на поношенную накидку, которая повидала ветер и дождь. Этот кусок черной ткани и так стоил немного, а став таким старым, и вовсе ничего не стоил.

Конечно, ее можно было бы не возвращать, но он специально пришел, чтобы забрать ее.

Он поднял глаза на маленького гера, который сидел напротив и с удовольствием ел пирожное. Выглядел он послушным, но все же осмелился подтрунивать над ним.

Хо Шу слегка приподнял брови: «Я, бедный и нищий человек, у меня всего одна накидка, конечно, приходится ею дорожить. Действительно, мне не сравниться с учеными, добившимися успеха».

Таоюй убрал пирожное от рта. Бедный и нищий? Разве не он сам виноват в своих растратах! Однако: «Какое это имеет отношение к ученым?»

«Некоторые люди заботятся только о печали ученых, совершенно забывая, кому принадлежит эта рваная накидка. Скажи, есть ли в этом связь?»

Таоюй покраснел. Честно говоря, он еще не поблагодарил Хо Шу как следует.

В тот день он так сильно плакал, что все лицо было в слезах, а Хо Шу специально заказал ему повозку, посадил его туда и сопровождал верхом обратно.

Он поджал губы и подвинул хризантемовое пирожное к Хо Шу: «Из свежих хризантем, только сегодня испекли».

Хо Шу взглянул на Таоюя, увидел его искреннее, извиняющееся выражение лица и почувствовал некоторую отчужденность, это было снова то же вежливое и сдержанное поведение.

Он не хотел этого. Не стал больше его дразнить и сказал: «Я пришел к твоему отцу, чтобы он помог мне найти работу».

Таоюй, услышав это, поднял брови: «Ты хочешь найти работу?»

«Угу».

Таоюй поджал губы, похоже, у него действительно закончились деньги.

Хо Шу видел, как Таоюй с удовольствием ест пирожное, и тоже взял одно: «Ты же сам говорил, что если нет приличного дела, то не найдешь хорошую семью?»

«Эм?»

Услышав такие слова, Таоюй расправил брови и засмеялся. Не зря он внимательно слушал, по каким критериям деревенские женщины и мужчины выбирают зятя: «Брат Хо, ты так хорошо слушаешь, наверняка сможешь найти хорошую семью».

Он моргнул и тихо сказал: «Если найдется подходящая семья, я попрошу маму поговорить за тебя. Другие люди все равно немного ее уважают».

Хо Шу видел его энтузиазм, словно он сам мог устроить ему проход с черного хода, и ему стало немного смешно.

Он не стал возражать, а ответил: «Угу».

«Тогда брат Хо, что ты собираешься делать?»

Хо Шу сказал: «Как ты думаешь, что мне подойдет?»

Таоюй подумал: «Брат Хо сильный и ловкий, он может многое делать. Охотник, мясник – все

должно подойти. Конечно, можно и в городе найти работу».

«Но я не очень хорошо разбираюсь, лучше спросить у моего отца, это надежнее».

Хо Шу хотел сказать, что и его отец не так уж надежен, раз подобрал ему такого мужа, но он, конечно, этого не сказал, чтобы не обидеть человека раньше времени. Он просто ответил согласием.

Они молча доели хризантемовое пирожное, не чувствуя неловкости.

Хо Шу отпил чаю и сказал: «Завтра я еду в город, ты поедешь?»

«Пойти навестить сестру У Сань?»

«Угу».

Таоюй надул щеки и покачал головой: «Я не пойду».

Хо Шу, увидев отказ Таоюя, едва заметно нахмурился.

Он помолчал немного, а потом уговаривающе сказал: «Пойдем, развеешься».

Услышав это от Хо Шу, Таоюй почувствовал какой-то непонятный привкус.

Даже Хо Шу, с которым он недавно познакомился, может проявить к нему заботу, а человек, с которым он знаком с детства, без сожаления согласился на расторжение помолвки и с тех пор словно исчез.

Так называемая «детская дружба» за эти годы все же не сравнится со славой, выгодой и красивыми женами.

Как же не пасть духом от этого?

С детства ему твердили, что нужно соблюдать правила, что в будущем он выйдет замуж за ученого, за Юй Линсяо.

Со временем он сам стал считать свое замужество за него некой обязательной миссией, хотя он никогда не спрашивал себя, действительно ли он его любит. В общем, казалось, что выйти за него замуж – это само собой разумеющееся.

Однако, когда однажды все эти глубоко укоренившиеся представления внезапно рухнули, он действительно не смог этого выдержать.

Он не мог выдержать того, что все, чему его учили раньше, оказалось перевернуто с ног на голову, и уж тем более не мог вынести внезапно изменившегося характера Юй Линсяо.

Конечно, возможно, его характер всегда был таким, просто раньше, будучи в более слабом положении, он не проявлял этого, а теперь, обретя уверенность, показал свою истинную сущность.

Внезапные перемены, разрушение прекрасного образа, созданного родителями, – все это сразу обрушилось на него, и ему стало трудно дышать.

Таоюй посмотрел на Хо Шу и увидел, что тот тоже смотрит на него. Он отложил пирожное и, немного смущенно, сказал: «Я... я уже не грущу, мне не нужно развеиваться».

«Если не грустишь, то пойдём».

Хо Шу помолчал немного, а потом добавил: «Нужно принести что-нибудь сыну Чансуя, а я не знаю, что купить».

Таоюй надул губы. Ну ладно, значит, дело в этом.

Однако он подсознательно подумал, что ходить по магазинам с Хо Шу не соответствует приличиям. Но потом передумал: у него ведь больше нет помолвки с Юй Линсяо, и он свободен.

В округе Тунчжоу хоть и соблюдают приличия, но не настолько строго, чтобы не допускать нормального общения между мужчинами и женщинами.

Будучи свободным, пока не находишься в закрытом помещении и не делаешь ничего предосудительного, все в порядке.

Подумав, что Хо Шу заботится о нем, он сказал: «Хорошо».

Увидев согласие Таоюя, брови Хо Шу наконец разгладились.

«Прости за ожидание».

Цзи Янцзун, закончив дела снаружи, только что вошел. Несколько семей в деревне, у которых в этом году был хороший урожай, первыми привезли зерно и налоги.

Он немного расслабился.

В деревне несколько десятков дворов, и каждый год собирать налоги со всех – самое хлопотное дело. Если люди сами добровольно платят, это просто подарок небес.

Не зря он обычно прилагал столько усилий для решения дел каждого, бегая туда-сюда.

«Я же просил тебя угостить Хо Лана чем-нибудь, а ты сам ешь».

Цзи Янцзун, войдя, увидел своего сына, сидящего за столом, жующего пирожное и пьющего чай. Он был спокоен и непринужден, и, видимо, совсем не боялся сурового лица Хо Шу.

Таоюй улыбнулся отцу, поспешно встал со стула, пододвинул его отцу и сам послушно встал рядом.

Цзи Янцзун сел и спросил: «У тебя какое-то дело, Хо Лан?»

Хо Шу изложил цель своего визита.

«Найти работу – это хорошее дело».

Цзи Янцзун одобрительно кивнул. Он боялся, что молодые люди не захотят работать и будут бездельничать.

Если у всех будет работа, то в деревне не будет праздных людей, и тогда будет намного спокойнее. Если праздных людей много, они собираются вместе, ищут неприятности, и ему приходится восстанавливать справедливость.

Такой сильный и высокий мужчина, как Хо Шу, входя в деревню, может напугать даже робких женщин и мужчин. Если он создаст проблемы, никто в деревне не сможет его остановить.

Раз уж он сам решил искать приличную работу, это просто замечательно. Даже если бы он не пришел, через несколько дней, когда он освободился бы, он все равно собирался пойти к Юань Хуэйжу и уговорить ее. Теперь он избавился от этой необходимости.

«Наш деревенский мясник, мастер Цяо, недавно говорил, что хочет взять двух учеников, но не нашел подходящих. Если ты не боишься тяжелой работы, я отведу тебя к нему посмотреть, может, получится».

Хо Шу взглянул на Таоюя, стоявшего рядом с Цзи Янцзуном. Увидев, что тот расширил глаза и кивает ему, он сказал: «Можно».

Цзи Янцзун, заметив, что Хо Шу не перебирает, тоже остался доволен и отпил чаю.

Именно таким и должен быть не капризный мужчина.

«Не стоит недооценивать профессию мясника. Если хорошо работать, это очень прибыльное дело. Посмотри на тех, кто стал мясниками, никто не живет бедно».

Хо Шу сказал: «Спасибо за вашу заботу, староста».

«Не за что, односельчане же. Кому могу помочь, тому помогу, а получится или нет, зависит от вас самих».

Цзи Янцзун сказал: «Мастер Цяо в эти два дня уехал по приглашению, чтобы забить скот, его нет в деревне. Как только он вернется, я отведу тебя».

«Хорошо».

После этих слов Хо Шу взглянул на Таоюя, встал и попрощался.

«Этот парень, словно у него язык не поворачивается, совсем не умеет болтать. В двух словах закончил дело и ушел».

Цзи Янцзун, проводив его на два шага, вернулся и не удержался от замечания.

Таоюй поджал губы. Ему казалось, что Хо Шу не так уж и мало говорит, вроде бы нормально.

Если так подумать, это действительно немного странно.

«Кстати, я только что видел, как Хо Шу держал в руках черную накидку, она показалась мне странно знакомой».

Цзи Янцзун вдруг что-то вспомнил, окликнул Таоюя: «Я помню, эта накидка раньше лежала в твоей комнате, разве нет?»

Не дожидаясь ответа Таоюя, Цзи Янцзун вдруг понял: «Несколько дней назад это он тебя проводил домой!»

—